

Юлия.

Милостивый Государь
Павелъ Константиновичъ!

По желанію Вашему, что могу,
то сообщу Вамъ о любви пра-
додго.

Прадодго мой Михаилъ Дмит-
ріевичъ Цуковъ былъ изъ канта-
ристовъ. Начальное образование
получилъ въ школѣ кантарис-
товъ, а потомъ по само-выдаю-
щимся способностямъ былъ пе-
реведенъ въ театральную школу;
о дальнѣйшемъ же его образованіи
и развитіи и его дѣятельности
я ничего не знаю, но слышала, что,
во время его службы при Дворѣ,
онъ былъ любимцемъ Импера-
трицы Екатерины и не разъ
былъ награжденъ ею: то бриллиан-
товымъ перстнемъ, то табакер-
кою съ ее портретомъ, укра-

шелковыми бриллиантами, и кро-
ме того, полдюжиной фулярных
платков, которые Государыня
подарила ему при его дурацких
обстоятельствах: докладывая
о чем либо Государыне, онь иног-
да, прерывая свой доклад, выхо-
дил за дверь, чтобы выкурить,
а возвращаясь снова продолжал
начать доклад. Однажды Им-
ператрица, заметив это, спро-
сила его: ты, вероятно, не кур-
ешь платков, что для этого
выходишь за дверь? И не дожидаясь
его ответа, приказала
своей фрейлинке подать ему
 $\frac{1}{2}$ дюжины платков. Платки
были с чудными рисунками,
на одном из них были изо-
бражены перья такъ существенно,
что потом жена сына
Михаила Дмитриевича для
шутки приказывала положить
этот платок на диван,

куда приглашала съестъ мало
еще знаколицу гостью; последняя
слушалась, не рѣшаясь съестъ
отъ нежеланія, чтобы въ платокъ
пристали перья; тогда бабушка
моя - Марья Александровна, удов-
летворенная вызванными слу-
женіемъ, сняла платокъ, и
удивленію не было конца.

Государыня настолько была
милолюбива къ прагмоду, что по-
жаловала ему крупную сумму
денегъ, на которую онъ купилъ
подмосковное село Токвино,
еще Бутово и Попойсково; кро-
мѣ сихъ селеній, еще въ какой-
то губерніи было имѣніе, но я
не могла упомянуть; знаю одно,
что крестьяне приходили къ
моему отцу Всеволоду Влади-
мировичу и приносили деньги
за выкупъ, а тогда была еще
очень мала и не могла знать,
откуда эти крестьяне были родомъ.

Градоубъ мой былъ человекъ
 дѣятельный: онъ намѣлъ воз-
 можныя сдать своихъ дво-
 ровыхъ людей грамотными и
 знающими не только русскій, но
 даже немецкій, французскій и
 латинскій языки и въ помощю
 ихъ занимался въ своемъ учебномъ
 кабинетѣ.

Какъ придворный, онъ держалъ
 себя горделиво. Съ прислугой не
 любилъ разговаривать. Проходя
 за $\frac{1}{4}$ часа до обѣда по столовой
 и залочная какую либо несправ-
 ность, тотчасъ же звалъ дворец-
 каго и спрашивалъ: "кто накри-
 валъ столь?" Узнавъ кто, отда-
 валъ приказъ объявить винов-
 ному, что баринъ недоволенъ. Вели
 другой разъ тотъ же лакей былъ
 несправнымъ, то дворецкій по
 приказанію барина объявлялъ
 лакею, что его ждетъ наказаніе,
 а по третьей провинности

приказывалось дворецкому: дать виновному Зили Бурчи за его старание. Это значило, что дворецкий должен позвать виновного и дать ему отъ З до Б ударов по ладоням ферилой (такъ называлась большая деревянная ложка, не выдолбленная внутри, а потому очень тяжелая); боль отъ такого наказания была невыносима, получившии эти удары предлагали во кухню и савальники то въ печь, то въ воду. Другое наказание было паница, который пилъ по З дня и болше. Такъ же призывался дворецкий, которому приказывалось: предложить виновному буракъ съ икрой, но также послать двухъ предостережений. Буракъ — это курбанъ съ прикрепленной ушаго съ ошейникомъ. Виновного сакали на штырь, при чемъ въ паницу давалась еда и вода. Когда

приносили пищу, то на время освобождали виновного от буфета. Такое наказание продолжалось 3 дня и больше.

А вот наказывать было также не легко; посыл двух обвиняемых предстережений их наказывали так: в сарае лежали две пласки, выдолбленные для сигарет и для ног, на которые сажали виновных, а ноги закрывали мешковинами пережатые с замком и оставляли на голоде и воде по несколько дней, освобождая только на обед и ужин. Такое наказание выражалось словами к дворецкому, прокуратуры Натюку или "дай отдых басалаю на 3 и больше дней".

В первом случае вина, бывало, заключалась в том, что ласей задвигали поставит графинь с водою или неправильно распределять приборы и т. п., за

это и получала ферулу; во вто-
рой за пьянство — бурак, и в
третьей за то, что много раз
барин слышал неаподе на то,
что виновный постоянно, не кон-
чив работы, уходил и занимал-
ся не тем, что ему приказано
делать. Все это Михаил Дмитри-
евич не оставлял без нака-
зания, но никогда никого не на-
зывал дураком в лицо и ни-
когда не бранился и даже не
вызывал на объяснение.

При мне еще оставался в
живых и отец моего т. е.
внука Михаила Дмитриевича,
старик кучер, и он гордился
тем, что еще служил нашему
прадеду, и рассказывал так:
„я был еще маленьким, барин
брал меня с собой в огорода
и приказывал носить за ним
табакерку и говорил мне, — когда
я захожу табакерку ты меня и

уности. А подойдем бывало к барине с морковью, вот барин и спросит: хочешь морковки? я отвою - хочу, он и велит мне вытацивать; я тащу, тащу да и не слышу, а он - то слышит надо мной, а потом сам вытацивает и даст мне. Также мы с ним и гуляли. У Вашего дядюшки я была фрейторкой; ловко я была объезжать лошадей. - Также говорили покойный Антон. Мы его все любили.

Когда мы еще были малы, то обладали способностью проникать во весь сарай, погреба и даже чердаки, и вот, когда нам удалось забраться в один чердаков надъ погребом, нашему вниманию представилось много любопытного; первое, что мы увидели это люстру большого размера в виде чаши, стеклянную с крупной гранью, внутри

вызолоченную, но, конечно, разбитую, потому что двери большие, выложенные зеркальными квадратиками, и множество продолговатых зеркальцев, журнальных картинок в черных рамках с позолотой и книги книги в больших заавках или заставках. Я одну из них открыла и прочла следующую фразу: "течет вода уфасная, для ко-рабий непроходимая, но для курь безопасная". Журнал этот назывался "Переселенский". Помимо в памяти моей остался фонарь в виде прожектора, он имел форму разрезанного шара, внутренность которого была выложена мельчайшими квадратиками из зеркальных стенок. Этот шар был на таких ножках, как у классической доски. Станок был из краешнего дерева, а также и рама.

Фонарь имелъ свѣчу по срединѣ, укрепленную металлической пластинкой; онъ выше подвешеннымъ то откидывался назадъ, то склонялся напередъ, смотря по необходимости, надо ли приблизить или отдалить свѣтъ. Этотъ фонарь ставили прямо противъ проспекта, ведущаго къ церкви Св. Георгия, въ ожиданіи приѣзда сватихъ гостей, — ставили на случай темноты. Мы въ юные годы часто забавлялись имъ въ нашей коквинской заимѣ, наводя свѣтъ въ разныхъ направленіяхъ. Куда онъ дѣвался потомъ, не знаю.

Полно еще и то, что наши священники, Георгиевской церкви, показывали намъ образъ, который былъ пожертвованъ прагродомъ въ нашу коквинскіи храмъ. Образъ былъ большого размера, въ речканной серебряной ризѣ, но лица святого я не помню. По празд-

ническими днями во нашем при-
езде по ли по вие прагда .
Онъ любилъ церковную службу и
нередко принималъ священника
на домъ: слушать всемоуноу
или молебны, ради служебнаго
люда, которому не было времени
отлучаться отъ дома на долгое
время.

Теперь наше большое илюние
неузнаваемо потому, что новые
владельцы невольственно отно-
сились къ старинно и все по выфу-
дили и вырили то, что давало
красоту старинному барскому
саду и усадьбе.

Впрочемъ, и ли правнучки уже не
запали той восьми-угольной бо-
содки, что стояла въ березовой ро-
ще, и которая была украшена
стеклянной люстрой и сплюснутыми
зеркалами, съ зеркальными дверями.
Вотъ все, что могу сообщить Вамъ.
Прошу не взыскать на маломъ.